

А.Ю. Друцэ

Реализация стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе

Статья посвящена анализу стратегий и тактик уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе на материале интервью главного редактора радио «Эхо Москвы» А. Венедиктова с послом США на Украине Дж. Пайеттом. Исследование различных случаев употребления той или иной тактики уклонения в зависимости от реакции интервьюера позволяет составить классификацию наиболее успешных способов достижения дипломатом своей коммуникативной цели.

The article presents an analysis of deviation strategies and tactics in modern diplomatic discourse based on the interview of Radio Echo Moscow's editor-in-chief A. Venediktov with the USA ambassador to Ukraine J. Payette. Analyzing different cases of using deviation tactics depending on the interviewer's reaction can give an opportunity to make a classification illustrating successful methods of achieving communicative goals.

Ключевые слова: дипломатический дискурс; тактика уклонения; коммуникативная цель.

Keywords: diplomatic discourse; deviation tactic; communicative goal.

Иntenсивное исследование языка во второй половине XX века, выдвижение в лингвистике новых парадигм научного знания оказались естественно связанными с появлением целого ряда новых областей анализа и, соответственно, новых понятий и терминов, среди которых возникает понятие *дискурс*. «Воспользуемся вначале рабочим определением дискурса, которое можно обозначить как культурно-историческое: дискурс есть фрагмент лингвокультурной реальности конкретного языкового сообщества, опирающийся на сложную систему традиций, обычаев, обрядов, неписаных правил, задающий параметры порождения и интерпретации любого социально значимого поведения человека, в том числе — и его речевых произведений» [10: с. 61]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «большую роль в становлении понятия дискурс сыграло критическое отношение к жёсткому противопоставлению *знания языка (competence)* и его *использованию (performance)* в трудах Ноама Хомского и его последователей. Работы прагматического толка продемонстрировали и доказали условность границ между знанием и владением, между знаниями двух типов (ср. “знать что” и “знать как”) — *декларативным* и *процедурным*. В конечном счёте для человека важнее всего *competence to perform*, т. е. знание языка

в целях его адекватного использования» [8: с. 9]. По утверждению Э. Бенвениста, дискурс может быть охарактеризован как «функционирование языка в живом общении» [3: с. 5–16]. В таком случае возникает вопрос об универсальной цели общения, ответ на который был дан в работах А.А. Леонтьева: «главная цель общения — это воздействие» [9: с. 23]. Отметим, что этот вывод полностью соответствует мысли Э. Бенвениста, определявшего дискурс «в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определённым образом воздействовать на второго» [3: с. 37]. Воздействующая сила речи хорошо известна. Вместе с тем далеко не всегда отчётливо осознаётся, что функцию воздействия реализует любое высказывание, к какой бы сфере коммуникативной практики оно ни относилось. Не только политический или рекламный дискурс предусматривает психологическое воздействие; всякое обыденное и, казалось бы, нейтральное высказывание предполагает воздействие на восприятие мира и, прямо или косвенно, регуляцию поведения адресата.

Базовой основой подходов к определению функций языка в современной лингвистике являются работы К. Бюлера и Р. Якобсона. К. Бюлер выделяет три функции языка, соотнося их с тремя ведущими компонентами коммуникации (отправитель, получатель, предмет и ситуации): экспрессивную, апеллятивную и репрезентативную [5: с. 34]. В зависимости от ориентации на один из компонентов коммуникации (адресат, адресант, референт, сообщение, контакт и код) Р. Якобсон выделил шесть функций языка [13: с. 20]. Функция, ориентированная на адресата, называется *коннотативной*. Многочисленные синонимы, встречающиеся в литературе (*волюнтативная, вокативная, призывно-побудительная*), выражают идею реализации интенции отправителя сообщения, донесение информации до адресата. Е.И. Шейгал предлагает использовать термин «регулятивная функция», так как он «подчёркивает роль языка в регуляции поведения адресата» [12: с. 28]. *Регулятивная функция* может быть ведущей, например, в политическом, публицистическом, педагогическом дискурсе. В бытовом дискурсе она бывает менее выражена, хотя в любом акте общения коммуниканты преследуют определённые цели, которые, так или иначе, предполагают оказание воздействия [2: с. 23]. Исходя из главной цели дипломатического дискурса — достижения коммуникативной цели, регулятивная функция является здесь ключевой. Следует отметить, что регулятивная функция включает в себя несколько взаимосвязанных компонентов, таким образом, с позиции целей нашего исследования, в данной работе рассматривается *стратегия уклонения и реализующие её тактики ухода от ответа*. Для рассмотрения и анализа различных случаев использования стратегии и тактик уклонения в дипломатическом дискурсе следует дать определение и описать вышеуказанные термины.

Разные исследователи предлагают различные классификации речевых стратегий, основанные на тщательных наблюдениях и анализе современной диалогической речи. Наиболее структурированной можно считать

классификацию коммуникативных стратегий и тактик, предлагаемую О.С. Иссерс. Учёный понимает под *коммуникативной стратегией* «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [7: с. 54]. О.С. Иссерс считает, что стратегии и тактики речевого поведения непосредственно связаны с основными этапами речевой деятельности — планированием и контролем, поэтому стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнёра» [7: с. 56].

С позиции психолингвистики под стратегией понимается «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта», «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия», «развёрнутая во времени установка субъекта на общение» [6: с. 78–82]. «В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего» [4: с. 178].

Мы принимаем психолингвистическое определение стратегии и считаем, что с точки зрения речевого воздействия стратегию можно рассматривать только с помощью анализа тактик (*стратегия* в переводе с греческого (*stratos* «войско» + «*ago*» веду) — искусство планирования, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах; *тактика* (*греч.* «искусство построения войск») — это использование приёмов, способов достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо).

В общем смысле стратегии и тактики уклонения изучаются в бытовом, институциональном, юридическом, политическом дискурсе, но мало проанализированы в дипломатическом дискурсе ввиду того, что сам дипломатический дискурс недостаточно изучен на настоящий момент. Тем не менее дипломатический дискурс по существу является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира. Изучая дипломатический дискурс, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности, как пропагандируется социальный порядок, какие элементы языковой картины мира остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как формируется концептуальная картина мира, присущая каждому языковому коллективу. «В структуре дискурса доминирует стремление к ясному, насколько это представляется возможным в специфических условиях дипломатических переговоров, изложению своей позиции, выяснению точки зрения другой стороны, уточнению взаимопонимания» [11: с. 51].

Принимая во внимание то, что целью нашего исследования является изучение стратегий и тактик в современном дипломатическом дискурсе, а одной из главных задач — составление типологии стратегий и тактик ухода от ответа, изначально следует рассматривать взаимосвязь использования той или иной тактики с исходом беседы, реакцией интервьюера и аудитории. Таким образом, следует обозначить, что в сфере дипломатии тактика ухода от ответа может быть классифицирована как «успешная» или как «неуспешная».

«Успешной» можно считать случай ухода от ответа, при котором дальнейшая коммуникация совершается без возвращения к первоначальному, нежелательному для дипломата вопросу, что является основной задачей говорящего, уклоняющегося от ответа. «Неуспешной» тактикой уклонения можно считать соответственно случай, при котором интервьюер возвращается к вопросу, тем самым демонстрируя аудитории, что ответ так и не был получен. «Неуспешная» тактика ухода от ответа, как правило, может свидетельствовать о неподготовленности дипломата к обсуждению какого-либо вопроса. В зависимости от ситуации необдуманная тактика уклонения может быть замечена только журналистом или в другом случае широкой аудиторией, что влечёт за собой негативную реакцию общественности.

Следует отметить, что в ряде случаев интервью уже заранее предполагает противопоставление точек зрения интервьюера и дипломата на тот или иной вопрос. К таким случаям, как правило, относятся резко сменившаяся политическая ситуация, изменения в дипломатических отношениях между странами или события, требующие срочных комментариев сторон. Такой тип дискурса кардинально отличается от других случаев и интервью с дипломатами по общим вопросам. В данных ситуациях дипломат заранее знает, в чём будет заключаться основная тема и может предположить специфику вопросов. Следует указать, что, принимая во внимание уже устоявшуюся позицию страны по определённой теме, дипломат в ходе интервью преследует цель не отклоняться от внешнеполитического курса своего правительства. Таким образом, в каждом его ответе прослеживаются чётко сформулированные выводы, вне зависимости от заданных вопросов. Вышеописанную тактику уклонения можно отнести к такой её разновидности, как *тактика обобщения*, которая является одной из самых распространённых, а также даёт возможность выделения новой тактики, такой как *тактика условного ответа*.

Большой интерес с точки зрения иллюстрации вышесказанного представляет интервью с послом США на Украине Дж. Пайеттом. Беседа состоялась 10 марта 2014 года, интервьюер — журналист, главный редактор радио «Эхо Москвы» А. Венедиктов (курсив наш. — *А.Д.*).

<p>(1) А. ВЕНЕДИКТОВ — В связи с этим ещё одно расследование, вы знаете, господин посол, по поводу истории со снайперами. В этой связи вопрос, готовы ли США, интересуется ли США помочь в расследовании истории со снайперами, действительно ли были там, действительно так, агенты ФБР будут работать по этому. Или Вас это не интересуется?</p>	<p>Д. ПАЙЕТТ — Мы очень заинтересованы определить, кто виноват в действиях снайперов. И кто отвечает, чтобы они были подвергнуты суду. Как я уже говорил на своей первой пресс-конференции, Совет Европы ведёт это расследование по снайперам. И вы помните, что соглашение, по которому Совет Европы будет вести это расследование, было вписано в соглашение от 21 февраля. Мы также говорим с экспертами из ООН, из ОБСЕ, и, если нас пригласят и попросят, наша роль будет поддерживающая это расследование. Но совершенно ясно, что этот случай работы снайперов на Институтской улице — это не просто случай нарушения прав человека... Это требует очень высокого качества экспертизы. И очень глубокого расследования этого события.</p>
<p>(2) А. ВЕНЕДИКТОВ — <i>Но я думаю, что вы говорили с госпожой Эштон или господином Паэтом, что всё-таки имелось в виду в их разговоре, когда господин Паэт якобы сказал, что, возможно, эти снайперы были направлены кем-то из оппозиции. Вы сами разговаривали.</i></p>	<p>Д. ПАЙЕТТ — <i>В Киеве нет никого, кто бы верил в то, что было хоть какое-то вовлечение оппозиции в работу снайперов. И очень много видео, которое можно увидеть на Ютубе. Которое показывает, что это люди военного типа, похожие на подготовленных боевых снайперов. Но все это требует, повторяю, серьёзного, профессионального, глубокого расследования.</i></p>
<p>(3) А. ВЕНЕДИКТОВ — <i>Но ведь вы лично знали президента Януковича, вы с ним общались. Он одно время не принимал силовых мер. Потом что-то повернулось, и он стал применять силовые меры. Вопрос: что повернулось?</i></p>	<p>Д. ПАЙЕТТ — <i>Отличный вопрос, который надо бы задать Януковичу завтра на пресс-конференции.</i></p>
<p>(4) А. ВЕНЕДИКТОВ — <i>Зададут. Следующий вопрос. Я бы хотел немножко сменить тему. Какую финансовую помощь и на каких условиях правительство США будет оказывать Украине?</i></p>	<p>Д. ПАЙЕТТ — <i>Позвольте мне сказать, поскольку вы приехали особенно из Москвы, это имеет значение. США, Европа, Россия — у всех есть серьёзные интересы в том, чтобы Украина была экономически здоровой страной. И для того чтобы ей быть экономически здоровой страной, Украине нужны стабильные, уважительные отношения с Россией. Она, не говоря уже о долгих исторических и культурных связях, имеет глубокие, серьёзные торгово-экономические связи. Поэтому</i></p>

	<i>я надеюсь, что мы можем построить максимально широкий международный альянс. Чтобы помочь Украине преодолеть экономические вызовы...</i>
<i>(5) А. ВЕНЕДИКТОВ — Вы не шутите, господин посол? Накануне войны за Крым? Альянс?</i>	<i>Д. ПАЙЕТТ — Должен быть широкий международный..., чтобы построить стабильную, экономически здоровую Украину. И Россия имеет очень серьёзный интерес в том, чтобы это реализовалось. Именно потому, что у российских банков миллиарды долларов вложены в украинскую экономику. Россия — голосующий член МВФ. После того как российские займы были предложены в декабре, я публично заявил, что это не решит никаких украинских проблем. Потому что Украина не страдает от недостатка наличности или ликвидности. Она страдает от структурных экономических диспропорций. Искажённого рынка энергосырья... Всё это должно быть совместными усилиями преодолено. Все эти трудности надо преодолевать совместными усилиями.</i>
<i>(6) А. ВЕНЕДИКТОВ — Это второй американский посол-романтик после Макфола...</i>	

Рассмотрим вышеприведённый текст с тех теоретических позиций, которые были указаны выше.

Первоначально вопрос Венедиктова (1) завуалированно предполагал рассмотрение точки зрения США по данной теме, а именно каким образом будет проведено расследование, заинтересовано ли США в нём и какие результаты, возможно, уже имеются или предполагаются. Посол отвечает, что США заинтересованы в выяснении обстоятельств дела, но дальнейшие комментарии *обобщаются* и сведены к слову «расследование», которое в достаточно коротком ответе употребляется г-ном Пайеттом три раза и один раз заменяется синонимом «экспертиза». Таким образом, *тактика обобщения* свелась к *повторению* (слово «расследование» в ответе Дж. Пайетта) одного понятия и акцентированию внимания на возможных результатах действий. Далее последовал ещё один уточняющий вопрос (2), о возможных причастных лицах и комментариях коллег. В ответе посол ссылается на людей, чьих имён не называет. В таких случаях информация воспринимается как не подкреплённая фактами, таким образом обнаруживая нежелание общественного деятеля отвечать на вопрос конкретнее. Посол также призывает ознакомиться с видео

на Ютубе и убедиться в том, что рассматривается, исходя из его предыдущих комментариев, как очевидность. Г-н Пайетт выражает абсолютную уверенность в положении дел, но указывает на необходимость расследования. Таким образом, второй ответ входит в противоречие с первым, который предполагал отказ от комментариев до завершения расследования.

При анализе интервью становится очевидным изменение тактики уклонения дипломатическим деятелем. В данном случае это остаётся незамеченным журналистом, у дипломата появляется возможность успешно защитить свою позицию в данном вопросе. После фразы интервьюера об «отсутствии действий стороны» (3), Дж. Пайетт указывает на необходимость перенаправить вопрос напрямую Януковичу. Тактика уклонения в данном ответе неочевидна аудитории и очень уместна, о чём свидетельствует оглашение даты пресс-конференции с В. Януковичем. После следующего вопроса (4) о возможной материальной помощи от США посол кардинально сменил тему разговора. Возможно, уклонение от вопроса не было бы таким явным, если бы ответ не противоречил ситуации: «И для того чтобы ей быть экономически здоровой страной, Украине нужны стабильные, уважительные отношения с Россией...». Принимая во внимание обострение дипломатических отношений России и США на указанный промежуток времени, очередной вопрос журналиста (5) содержит явное удивление, вызванное оптимистическим настроением посла. Дж. Пайетт повторяет предыдущий ответ несколько более развёрнуто. *Тактика обобщения* в этом случае вызвала ещё более саркастичное замечание А. Венедиктова о традиционной романтичности послов США. Заключительный фрагмент представляет собой очень интересную взаимосвязь употребления тактики уклонения и ведения интервью журналистом.

После первоначального вопроса посол отказывается комментировать личную беседу, что представляет собой профессиональную реакцию дипломата на данного рода тему, поэтому интервьюер конкретизирует вопрос по существу разговора, игнорируя комментарии Пайетта во втором случае. Дальнейшая тактика уклонения посла не отличается от тех, к которым он обращался ранее в данном интервью. Обобщённый комментарий, не содержащий ответа на вопрос, порождает новый вопрос: «Почему вы верите, что за неделю до референдума этот вопрос может ещё быть решён?».

Не меняя позиции, Дж. Пайетт говорит: «Потому что я убеждён, что Россия так же, как и Европа, так же, как США, признает: в долгосрочной перспективе никто не заинтересован в перекройке карты Европы...».

«Кажется, это был ответ, что Обама сказал Путину. Спасибо большое, господин посол», — парирует Венедиктов. Уклонившись в данном случае от вопроса о решении проблемы, посол невольно дал ответ на предыдущий, что не осталось незамеченным интервьюером.

Итак, проведённый нами анализ показывает, что вышеописанное интервью в некоторых случаях содержит комбинации тактик уклонения, к которым

обращается посол США. Прослеживаются как успешные (ответ с перенаправлением вопроса), так и менее успешные тактики. Неуспешно выбранные тактики уклонения обращают на себя внимание аудитории, и в первую очередь журналиста, что прослеживается по дальнейшим комментариям Венедиктова, и вновь заданные вопросы с элементами иронии и переспроса не могут остаться незамеченными.

Таким образом, можно сделать вывод, что дипломатический дискурс неразрывно связан с обращением к различным тактикам уклонения.

В целом, говоря о дипломатическом дискурсе, подчеркнём:

1) стратегию уклонения от прямого ответа можно охарактеризовать как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения коммуникативной цели завуалировать отрицательный ответ на вопрос. В процессе коммуникации стратегия уклонения от прямого ответа реализуется набором тактик: *тактики повторов и переспросов; тактики задержки ответа; тактики смягчения категоричности ответа; тактики обобщения; тактики поддакивания; тактики собственно имплицитного отказа; тактики игнорирования; тактики иронии; тактики намёка; тактики условия*; а также комбинированными тактиками (включающими различные сочетания тактик);

2) современный дипломатический дискурс, безусловно, может быть охарактеризован появлением совершенно новых тактик уклонения, при детальном изучении которых появляется возможность создания детальной классификации «успешного» или «неуспешного» воздействия на аудиторию и эффективного достижения коммуникативной цели.

Библиографический список

Источники

1. Официальный сайт радио «Эхо Москвы», интервью с Джеффри Пайеттом. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/1275484-echo>.

Литература

2. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.

3. Бенвенист Э. Общая лингвистика: учеб. пособие. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

4. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Урал, 2001. 320 с.

5. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 235 с.

6. Веретёнкина Л.Ю. Стратегия, тактика и приёмы манипулирования // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тезисы докл. Международ. науч. конф. Екатеринбург: Урал, 2001. С. 78–82.

7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 288 с.

8. *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

9. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, знак, личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

10. *Радченко О.А.* Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 61–65.

11. *Терентий Л.М.* Интенциональная структура дипломатического дискурса: беседы между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 47–56.

12. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

13. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории и перевода в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. С. 16–24.

References

Istochniki

1. Oficial'ny'j sajt radio «Echo Moskvu'», interv'yu s Geoffrey Pyatt. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/1275484-echo>

Literatura

2. *Baranov A.N.* Politicheskij discours: proshhanie s ritualom // Chelovek. 1997. № 6. S. 108–118.

3. *Benvenist E.* Obshhaya lingvistika. M.: Progress, 1974. 448 s.

4. *Borisova I.N.* Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika. Ekaterinburg: Ural, 2001. 320 s.

5. *Buler K.* Teoriya yazy'ka. Rerezentativnaya funkciya. M.: Progress, 1993. 235 s.

6. *Veretenkina L.U.* Strategiya, taktika i priyomy' manipulirovaniya // Lingvokul'turologicheskie problemy' tolerantnosti: tezisy' doklada Mezhdunarod. nauchn. conf. Ekaterinburg: Ural, 2001. S. 78–82.

7. *Issers O.S.* Kommunikativny'e strategii i taktiki russoj rechi. Omsk: Omsk. gos. un-t, 1999. 288 s.

8. *Kubryakova E.S.* O ponyatijax diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike: obzor // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'. Funkcional'ny'e i strukturny'e aspekty': sb. obzоров. M.: INION RAN, 2000. S. 7–25.

9. *Leont'yev A.A.* Deyatel'ny'j um (Deyatel'nost', znak, lichnost'). M.: Smy'sl, 2001. 392 s.

10. *Radchenko O.A.* Issledovanie agressivnogo diskursa: problemy' i perspektivy' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 61–65.

11. *Terentij L.M.* Intencional'naya struktura diplomaticheskogo diskursa: besedy mezhdu L.I. Brezhnevym i R. Niksonom // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 47–56.

12. *Shejgal E.I.* Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya. Volgograd: Peremena, 2000. 367 s.

13. *Yakobson R.* O lingvisticheskix aspektax perevoda // Voprosy' teorii i perevoda v zarubezhnoj lingvistike. M.: Progress, 1978. S. 16–24.